

## Глава первая

# ТРИ ДНЯ ПАНИКИ

---

О того, что я узнал, когда пробьет мой смертный час, окружающий меня мир ничуть не изменился.

Я ждал каких-то изменений в привычных пейзажах, думал, что буду жалеть о прожитых впустую днях, дорожить каждой минутой и секундой. Что в душе от осознания скорой смерти пробудятся какие-то доселе неведомые чувства, но ничего такого за собой не заметил.

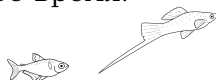
Если что и поменялось — так это то, что я перестал переписывать с доски материалы урока. Меня утешала мысль, что можно больше не переживать ни о промежуточных контрольных на следующей неделе, ни об итоговых экзаменах через два месяца.

Теперь вместо конспектов я записывал в тетради, что знаю про одну из девочек класса.

Она сидела за первой партой в ряду у окна и как раз только что зевнула.

Звали ее Рина Асами. Насколько удалось выяснить, в школьные секции она не ходила, в свободное от учебы время нигде не подрабатывала.

Приезжала в школу на автобусе, притом раньше меня, домой возвращалась когда придется, а не в строго определенное время.



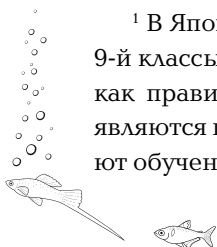
Общительная, учиться не любит, но, судя по тому, что на дополнительных занятиях на летних каникулах я ее не видел, оценки у нее не такие плачевные, как у меня. В средней школе<sup>1</sup> она какое-то время была менеджером бейсбольной команды и по уши втрескалась в мальчика из старшего класса, но у них ничего не вышло.

Притом нельзя сказать, что на нее вообще не обратили внимания. Просто к тому моменту, когда это выплыло наружу, тот парень уже завел себе девушку. Подружки все как одна считали, что Асами — самая милая девочка в классе, и в принципе вокруг нее всегда кружило несколько поклонников. На мой неискрушенный взгляд, ее в целом любили все, и она не нажила себе в школе ни одного врага. Асами уверенно плыла по водам школьной жизни, и на первый взгляд ничто не предвещало ее скорой кончины. Впрочем, стоило перелистнуть страницу, как это впечатление резко менялось.

Звонок прозвонил прежде, чем я успел это сделать, и рука застыла. Я тихо вздохнул и поспешно сунул тетрадь в сумку.

---

<sup>1</sup> В Японии начальная (1–6-й классы), средняя (7–9-й классы) и старшая (10–12-й классы) школы — это, как правило, отдельные заведения. Обязательными являются первые девять классов, но многие продолжают обучение и дальше.



— Сакимото-кун<sup>1</sup>, Сакимото-кун! Сегодня новый факт за двести иен!<sup>2</sup> Будешь братъ? — шуточно окликнул меня, когда я уже собирался вставать из-за парты, сосед Сэкикава. Полноватый очкарик, который, впрочем, если бы сел на диету и перешел на линзы, мог бы пользоваться у девушек большим спросом.

Он все уроки напролет читал мангу, однако по успеваемости занимал первое место в классном рейтинге. При этом легко находил общий язык как с парнями, так и с девчонками, то есть обладал всеми теми качествами, которых недоставало мне.

С начала октября большинство народа в классе уже переоделись в зимние пиджаки, а он по-прежнему носил летний вариант формы.

— Чего так дорого? Двести иен... Ладно, валяй! Беру!

— Отлично! Спасибо за покупку!

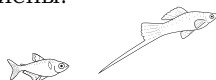
Я нехотя достал из кошелька две монетки и положил ему в протянутую ладонь.

Они с Асами вместе учились в одной средней школе, и именно через него я раздобыл все

---

<sup>1</sup> В японском языке принята система суффиксов, которые добавляются к именам, чтобы выразить отношение к собеседнику. Суффикс «-кун» используется при обращении к приятелям равного возраста и младшим товарищам.

<sup>2</sup> Курс японской иены по отношению к рублю довольно сильно колеблется, однако в среднем один рубль будет равняться примерно 2/3 одной иены.



те сведения, которые тщательно записал в тетради.

С начала старшей школы нас обоих уже во второй раз распределили в один класс, но мы особо не общались, и раньше я понятия не имел, какой он проходимец. Впрочем, в нашем жестоком мире без таких не выживешь.

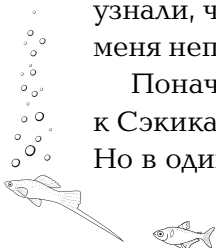
— Значит, так... Ну-ка, наклонись поближе... — Он прикрыл рот ладонью и прошептал: — Говорят, что Асами... девственница! Только никому не говори!

Сэкикава прыснул со смеху, а я на него зыркнул и встал с места. Зря только отдал двести иен!

Сам дурак, если решил, будто чем дороже информация, тем ценнее. Обычно интересные факты об Асами обходились мне в сотню. Самый дорогой до сегодняшнего дня — сто восемьдесят, и за эти деньги пыхтящий как паровоз Сэкикава поведал мне, какого цвета в этот ветреный день у нее были трусики, — информация, без которой я легко мог бы обойтись.

С моей точки зрения, схема Сэкикавы похожа на вымогательство, но я не знал, к кому еще обратиться. К тому же в цену входило и условие, что он будет держать язык за зубами, поэтому я не жаловался. Одноклассники, если бы узнали, что я разнохиваю об Асами, поняли бы меня неправильно.

Поначалу я колебался, стоит ли обращаться к Сэкикаве. Вдруг он решит, будто я влюбился? Но в одиночку я бы тем более ничего не разуз-



нал. В сущности, какая разница, что он там себе подумает? И я решился. Вопреки ожиданиям Сэкикава не стал подтрунивать и честно ответил на все интересовавшие меня вопросы. Хотя и не безвозмездно. Видимо, ему на все плевать, лишь бы платили.

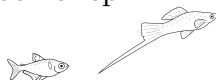
Я застал Асами на выходе из школы у шкафчиков, где она переобувалась. Поставила сумку на полку и пошла вместе с подругами домой. Я отправился следом на небольшом отдалении. Обычно в школу я добирался на велосипеде, но сегодня — на автобусе, потому что с самого начала задумал за ней проследить.

Из шести вопросов — «кто?», «где?», «когда?», «что?», «почему?», «как?» — Зензенманн ответил только на три.

На текущий момент я знал следующее: «кто» — это мы с Асами, «что» — умрем, «когда» — через 71 день, 15 декабря. «Где», «почему» и «как» — это все по-прежнему оставалось загадкой. Я написал Зензенманну и попросил рассказать, от чего умру, но он до сих пор не ответил.

Я несколько дней размышлял над этими вопросами сам, но так ничего и не придумал. Я ничем таким не болею и вроде никому не переходил дорогу. Без суицидальных мыслей не обходится, конечно, но пока что я не намерен отнимать у себя жизнь. Методом исключения остается несчастный случай.

В конце концов я пришел к выводу, что самый надежный путь определить причину моей смер-



ти — лучше узнать Рину Асами, с которой нам умирать в один день, вот и устроил за ней слежку.

Асами попрощалась с подругами и встала в очередь на автобус. Я подождал, пока на остановке соберется побольше людей, и примкнул к ним, уткнувшись в телефон с непроницаемым лицом.

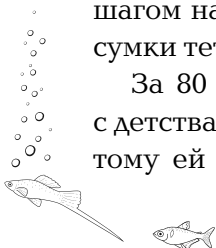
Ну как? Она поедет прямо домой или сначала куда-нибудь еще заглянет? Вдруг я осознал, какой ерундой занимаюсь, но как раз тут подошел автобус.

Не бросать же дело на полпути. Я нехотя шагнул в салон и сел на свободное место в хвосте, по дороге не поднимая головы, чтобы Асами меня не заметила. Она сидела впереди, покачивалась в такт движению автобуса и пристально глядела в окно.

Через несколько минут Асами нажала на кнопку с требованием остановки. Сэкикава мне уже рассказал, где она живет (этот факт обошелся мне в 150 иен), и мы до того района еще не доехали. Значит, видимо, перед домом она все-таки останавливалась где-то еще. Я вышел из автобуса вслед за ней.

Мы очутились перед городской больницей. Одноклассница меня не заметила и твердым шагом направилась ко входу. Я же вытащил из сумки тетрадь с заметками.

За 80 иен я узнал от Сэкикавы, что Асами с детства не отличалась крепким здоровьем, поэтому ей частенько приходилось наведываться



к врачам. Он не знал, чем именно она болеет, но в прошлом году она целых два месяца пролежала в больнице, из-за чего ее чуть не оставили на второй год.

В мои планы не входило проверять достоверность информации, но, судя по всему, она подтвердилась. Значит, она, скорее всего, умрет от болезни. Следовать за ней в больницу я все же постеснялся и остался на остановке ждать следующего автобуса.

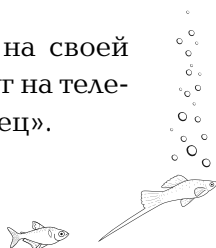
До сих пор я не обращал на это внимания, но теперь припомнил, что Асами на уроках физкультуры и вправду обычно наблюдала за ребятами с лавочки для освобожденных.

Слежу я за ней совсем недавно, потому сложно сравнивать ее внешний вид с тем, как она выглядела раньше, но она совершенно не производила впечатление человека, которому осталось жить всего пару месяцев. Судя по всему, вопрос необходимо изучить тщательнее, но меня что-то больше совсем не тянуло шпионить за девушкой или покупать информацию подобного рода.

Не уверен, насколько такой подход можно назвать лобовым, но, думаю, эффективнее всего было бы просто с ней подружиться и узнать все напрямую. Впрочем, по ряду причин для меня эта тактика закрыта.

Тут мне позвонили. Я уже сошел на своей остановке и даже увидел дом, как вдруг на телефоне отобразилось имя контакта: «Отец».

— Алло.



— Хикару, привет. Прости, задерживаюсь на работе, ужинать не буду.

— Ага, понял.

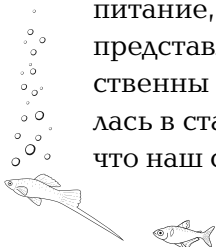
Разговор не продлился и десяти секунд. Я отключился и спрятал телефон в карман. До дома еще оставалось немного пройти, но я уже сжал в кулаке ключи.

Осенью седьмого класса родители развелись, и теперь мы жили вдвоем с отцом. Кто-то скажет, что целого дома многовато для двоих, но мне не казалось, что у нас пусто, и я искренне радовался, что мать с отцом больше не живут вместе. Иначе я бы не дожил и до сегодняшнего дня.

Я отпер дверь и шагнул в пустой дом. Пророботал под нос: «А вот и я», но ответила мне, к моему неожиданному разочарованию, лишь тишина. По пути домой я собирался приготовить карри, но, раз отец все равно не собирается ужинать дома, обойдусь лапшой быстрого приготовления.

С тех пор как родители развелись, домашними делами заведовал я. Поначалу еле управлялся с готовкой, но с тех пор поднаторел и теперь по большей части даже не подглядывал в рецепты.

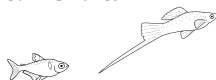
Развелись они потому, что мать не брезговала домашним насилием, причем доставалось и отцу, и мне, — и это было единственное воспитание, которое я от нее получал. Обычно представляют, что за насилие в семье ответственны мужчины, но наша семья не вписывалась в стандартную схему. Хотя адвокат сказал, что наш случай отнюдь не уникальный.



Насилие в основном было психологическое, хотя до побоев тоже доходило. Честно говоря, психологическое давление я переносил тяжелее.

Мать работала медсестрой и зарабатывала куда больше отца, обычного служащего в небольшой компании, поэтому в нашей семье всегда царил атмосфера нездорового патриархата. Отец, никогда не отличавшийся силой характера, не смел ей перечить, а мать, видимо, сильно выматывалась на непростой работе, поэтому дома спускала на нас всех собак.

Надо мной она издевалась без конца, и стоило мне хоть чем-то ей не угодить — скажем, получить плохую оценку или вернуться из школы чуть позже обычного, — как тут же начиналось. За попытки как-то возразить она немедленно отвечивала мне оплеуху, поэтому я жил в постоянном страхе. «Я не могла родить такую бестолочь!», «Зря я вообще тебя родила!», «Ты такой же слизняк, как папаша!» — вот немного из того, что я успел услышать в собственный адрес, пока рос. Я искренне верил, что у меня нет права жить и что из меня не вырастет ничего путного, и страшно из-за этого переживал. Когда я заикался, что хочу пойти погулять с друзьями, она запирала меня в комнате и заставляла учить уроки, а иногда оставляла без еды. В общем, на мою долю выпало немало тяжелых дней. Сколько раз после школы я мечтал о том, чтобы не идти домой, а когда близился



час ее возвращения с работы, меня просто выворачивало наизнанку от страха.

Благодаря мамаше у меня развился панический страх перед всеми женщинами. Родители уже давно развелись, но перед женским полом я до сих пор трепетал. В средней школе из-за фобии с меня градом струился пот каждый раз, как надо было заговорить с кем-то из одноклассниц, я ерзал и едва мог связать пару слов. Как-то раз одна из них тронула меня за плечо, привлекая внимание, — я от ужаса толкнул ее так, что она упала. С тех пор меня возненавидели все девочки класса.

Я тогда дружил с одним-единственным мальчиком, и только с ним я поделился, как сильно боюсь девочек. Он попытался мне объяснить, что в них нет ничего страшного, но добился обратного эффекта, и в конце концов он даже потешался над моей паникой.

Когда пришло время выбирать старшую школу, я хотел поступить в мужскую, но они все находились так далеко от дома, что от идеи пришлось отказаться. По большей части мои невеселые взгляды на жизненные перспективы так или иначе связаны с моей запущенной гинофобией — так называется по-научному боязнь женщин.

Я много читал об этом явлении. Страх возникает по множеству причин: из-за издевательств со стороны девушек, из-за предательства со стороны возлюбленной либо, как в моем случае, из-за насилия со стороны матери.

